

Руслан Винник

Хроники Тёмной Стороны Луны

Руслан Винник

Хроники Тёмной Стороны Луны

<https://litres.ru/74042058>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые двери лучше оставлять закрытыми. Особенно те, которых не должно существовать.

Засекреченный исследовательский центр «Горизонт» изучает то, что лежит за границами человеческого понимания. Археолог Александр Волков приглашён для расшифровки древних символов, связанных с загадочными исчезновениями по всему миру.

Дятлов перевал. Тунгуска. Бермудский треугольник. Дети с чёрными глазами. Числовые станции, предсказывающие катастрофы. Все эти явления — части одной мозаики, указывающей на существование Порога — границы между мирами, которая ждёт и голодает.

Александр должен закрыть семь древних дверей, чтобы предотвратить прорыв в наш мир того, что существует по ту сторону реальности. Но каждая закрытая дверь отнимает часть его человечности, превращая в стража — вечного хранителя границ между бытием и небытием.

Космический ужас в стиле Айзека Азимова. История о выборе, жертве и природе реальности. О том, что некоторые двери открываются изнутри.

Руслан Винник

Хроники Тёмной Стороны Луны

Некоторые двери лучше оставлять закрытыми. Особенно те, которых не должно существовать.

Хроники Тёмной Стороны Луны.

в стиле Айзека Азимова

1. Прибытие.

Поезд остановился на станции Тёмная Сторона ровно в три часа ночи. Доктор Александр Волков вышел на пустую платформу, крепче сжав дипломат с документами. Вокруг не было ни души — только тусклые фонари отбрасывали длинные, неестественно вытянутые тени. Странное название для станции в Подмоскowie, но сотрудник кадровой службы центра «Горизонт» именно так указал в письме: «Станция Тёмная Сторона, третий путь, пятая дверь».

Александр поправил воротник пальто. Холод пробирал до костей, хотя на календаре было начало июня. Он работал археологом в Санкт-Петербурге двадцать лет, изучал древние захоронения, писал научные статьи о ритуальных практиках дохристианской Руси. Но это приглашение было другим. «Ваши знания о погребальных обрядах представляют

для нас интерес» — так говорилось в письме, подписанном директором исследовательского центра «Горизонт», неким профессором Морозовым.

Пятая дверь оказалась служебным входом в подземный переход. Но когда Александр потянул ржавую ручку, дверь открылась неожиданно легко, словно её недавно смазывали. За ней был не переход, а коридор, освещённый ровным белым светом. Стены были облицованы белой плиткой, пол — шлифованный бетон. Воздух пах стерильностью и озоном.

Пройдя около ста метров, Александр оказался перед стеклянной кабиной охраны. За пуленепробиваемым стеклом сидел пожилой мужчина в форме без опознавательных знаков. Он молча протянул планшет с документом о неразглашении.

— Подпишите здесь, здесь и здесь, — произнёс охранник глухим голосом, не глядя на Александра. — Добро пожаловать в «Горизонт», доктор Волков. Ваше жильё в секторе Б, уровень минус три. Завтра в восемь ноль-ноль совещание у профессора Морозова.

Александр подписал документы, не читая. Позже он будет жалеть об этом решении, но сейчас его переполняло любопытство. Что за исследования проводятся в засекреченном центре глубоко под землёй? И почему им понадобился археолог, специализирующийся на древних погребениях?

2. Центр.

Комната, которую отвели Александру, напоминала больничную палату: узкая койка, письменный стол, встроенный

шкаф. Единственным окном была стеклянная перегородка, за которой виднелся коридор. На стенах — никаких картин, на полу — серый линолеум. Стерильная пустота, вызывающая тревогу.

Утром его разбудил звонок внутреннего телефона.

— Доктор Волков, вас ждёт профессор Морозов. Коридор направо, лифт В, уровень минус семь. Не опаздывайте.

Голос в трубке был женским, монотонным, лишённым интонаций.

Александр умылся ледяной водой, надел единственный костюм, который захватил с собой, и вышел в коридор. Здесь уже было тихо, но не пусто. Мимо прошли двое мужчин в белых халатах, о чём-то перешёптываясь. Один из них бросил на Александра настороженный взгляд и ускорил шаг.

Лифт В был грузовым, без кнопок внутри. Он автоматически пошёл вниз, когда Александр переступил порог. Цифры на дисплее сменялись: минус один, минус два, минус три... Наконец, минус семь. Двери открылись в огромный холл с высоким потолком, который терялся в полумраке. В центре стояла массивная скульптура — нечто абстрактное, напоминающее переплетённые корни или щупальца.

— Доктор Волков, полагаю? — голос раздался сзади.

Александр обернулся. Перед ним стоял высокий мужчина на лет шестидесяти, с седыми волосами и пронзительными серыми глазами. Он был в тёмном костюме, что казалось неуместным в подземном исследовательском центре.

— Профессор Морозов? — Александр протянул руку.

— Именно так. Прошу за мной. У нас мало времени, а вам предстоит многое узнать.

Они прошли через холл и оказались в длинном коридоре с множеством дверей. На некоторых были таблички с номерами, на других — непонятные символы.

— Центр «Горизонт» существует с тысяча девятьсот пятьдесят третьего года, — начал профессор, не замедляя шага. — Официально — как институт изучения космического излучения. Неофициально — мы исследуем то, что лежит за границами человеческого понимания.

— Простите? — Александр на мгновение остановился.

— Вы слышали о Дятловом перевале? — Морозов тоже остановился и повернулся к нему. — О группе исследователей, погибших при загадочных обстоятельствах в пятьдесят девятом? Так вот, они были не первыми. И не последними. Люди исчезают, находят странные существа, наблюдают явления, которые невозможно объяснить с точки зрения современной науки. Мы собрали всё это здесь. И пытаемся понять.

Александр почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он изучал древние захоронения, где находил следы ритуалов, которые учёные считали невозможными. Но здесь... Здесь речь шла о чём-то другом.

3. Архив.

Кабинет профессора Морозова оказался неожиданно

скромным: старый письменный стол, полки с книгами, карта мира на стене с красными флажками в разных точках. Но то, что лежало на столе, заставило Александра замереть.

— Узнаёте? — Морозов указал на пожелтевшую фотографию.

На снимке была изображена каменная плита с вырезанными на ней символами. Те же символы Александр видел три года назад в раскопе под Новгородом — на могильной плите, датированной, по предварительным оценкам, двенадцатым веком. Но на плите из раскопа символы были затёрты, словно кто-то специально пытался их уничтожить. На этой фотографии они были чёткими, глубокими, словно вырезанные вчера.

— Где вы это нашли? — голос Александра прозвучал глуше, чем он ожидал.

— Это копия. Оригинал находится в нашем хранилище, уровень минус двенадцать. Мы нашли её в одна тысяча девятьсот сорок четвёртом году, в Мазурских болотах, в Польше. Немецкая экспедиция Аненербе. Они искали что-то конкретное. И нашли. Но не то, что ожидали.

Морозов прошёл к карте на стене.

— Вот здесь, — он указал на флажок в центре Сибири. — Тунгуска, тысяча девятьсот восьмой год. Метеорит? Вряд ли. Скорее, то, что мы называем «прорывом». Точка, где граница между мирами истончилась. Вот здесь, — его палец переместился к Уралу. — Дятлов перевал. Ещё один прорыв.

Погибшие студенты... Они видели то, что видеть не должны были.

— Что именно? — Александр почувствовал, как учащается его пульс.

— Мы не знаем точно. Но есть свидетельства. — Морозов открыл папку на столе и достал несколько фотографий. — Это снимки тел. Обратите внимание на отсутствие внешних повреждений. И на выражение лиц.

Александр взял фотографии. На всех снимках были мертвецы с широко раскрытыми глазами и искажёнными от ужаса ртами. Но самое странное — на всех лицах застыло одно и то же выражение. Словно они видели одно и то же.

— Что вы хотите от меня? — спросил Александр, возвращая фотографии.

— Ваша специализация — древние погребальные обряды. Ритуалы перехода. Вы изучали, как разные культуры представляли себе границу между миром живых и миром мёртвых. У нас есть... объекты. Следы. Артефакты. И нам нужен человек, который сможет их интерпретировать. У нас есть физики, биологи, даже парапсихологи. Но нет никого, кто понимал бы древние тексты о переходе между мирами.

4. Первая ночь.

Александр долго не мог заснуть. В голове крутились образы: фотографии погибших, карта с флажками, странные символы на каменной плите. В минуту тридцать ночи он решил выйти в коридор, чтобы немного пройтись и успокоить

нервы.

Коридор был пуст, но не тёмным — тусклый свет ламп создавал тревожное полутемноту. Александр шёл, не имея конкретной цели, пока не услышал голоса. Они доносились из-за приоткрытой двери где-то в конце коридора.

— ...ещё одна вспышка в секторе Д. — голос был мужским, взволнованным. — То же время, что и в прошлый раз.

— Скольких мы потеряли? — второй голос, женский, звучал устало.

— Двоих. Лаборант Козлов и инженер Петрова. Они были в хранилище, когда это началось.

Александр замер. Потеряли? О чём речь?

— Причина?

— Не установлена. Как всегда. Тела не найдены. Только одежда на полу. CWF.

Тишина. Потом женский голос:

— Это пятый случай за месяц. Директор в курсе?

— Директор не хочет знать. Он предпочитает закрывать на это глаза. Слишком много вопросов.

Александр услышал шаги и поспешно отошёл от двери. Мимо прошли двое — мужчина в белом халате и женщина в форме охраны. Они не заметили его, погружённые в разговор.

Когда они скрылись за углом, Александр подошёл к двери, из которой доносились голоса. На ней была табличка: «Сектор анализа аномалий. Доступ ограничен». За дверью был

тёмный кабинет с мониторами на стенах. На одном из экранов он заметил схему, напоминающую карту центра, с красными мигающими точками в разных местах.

Одна из точек была совсем рядом — где-то на этом же уровне.

5. Дети с чёрными глазами.

На следующее утро Александр получил задание: изучить серию фотографий и отчётов, касающихся так называемых «детей с чёрными глазами». Городская легенда, распространившаяся в девяностых годах, рассказывала о странных детях, которые появлялись у домов, стучали в двери и просили впустить их. У них не было белков в глазах — только чёрная бездна. Те, кто впускал их, исчезали или сходили с ума.

— Вы думаете, это реально? — спросил Александр у Морозова, когда тот вручил ему папку с материалами.

— Я думаю, что в каждой легенде есть зерно истины, — ответил профессор. — У нас есть несколько задокументированных случаев. Люди, которые утверждали, что видели таких детей. Большинство из них... не в себе. Но некоторые — вполне вменяемые, надёжные свидетели.

В папке были полицейские отчёты, заключения психиатров, фотографии. Александр провёл за их изучением несколько часов, пока не наткнулся на отчёт, который заставил его замереть.

— Случай в посёлке Красный Яр, Омская область, две тысячи третий год. Семья из четырёх человек: отец, мать, двое

детей. Соседи сообщили, что семья вела себя странно в течение недели до происшествия. Запирали двери, окна, не выходили на улицу. Когда полиция взломала дверь, дом был пуст. Никаких следов насилия. Одежда жильцов найдена на кроватях, как будто они просто... исчезли. В подвале обнаружены странные надписи на стенах, сделанные чем-то вроде угля.

К надписям прилагались фотографии. Александр всмотрелся в них. Символы. Те же самые символы, что были на каменной плите из Мазурских болот.

— Профессор, — Александр поднялся и направился к кабинету Морозова. — Мне нужно кое-что показать вам.

6. СВЯЗЬ.

Морозов изучал фотографии надписей из Красного Яра уже двадцать минут. Его лицо было непроницаемым, но Александр заметил, как профессор сжал руки в кулаки.

— Где оригиналы? — наконец спросил он.

— В архиве местного отделения полиции. Но стены были снесены при реконструкции дома в две тысячи пятом.

— Снесены? Или уничтожены намеренно?

Александр не успел ответить. В кабинет вошла женщина лет сорока, в белом халате, с короткими тёмными волосами и усталыми глазами.

— Профессор, нам нужен ваш совет в лаборатории семь. Субъект... возбуждён.

— Сейчас иду. — Морозов поднялся и повернулся к

Александрю. — Идёмте со мной, доктор Волков. Пора познакомить вас с одной из наших... проблем.

Они прошли по коридорам, спустились на лифте на уровень минус девять и оказались перед массивной металлической дверью с табличкой «Лаборатория 7. Доступ ограничен». Морозов приложил карту к считывателю, дверь открылась с тихим шипением.

За дверью была комната, разделённая стеклянной стеной. За стеклом, в маленьком помещении, сидела девочка лет восьми. Она была одета в простую серую рубашку, её светлые волосы были заплетены в косу. Но когда она подняла голову и посмотрела на вошедших, Александр почувствовал, как его дыхание перехватило.

Её глаза были полностью чёрными. Ни белков, ни радужки — только тьма.

— Это Алиса, — сказала женщина в белом халате, представившаяся как доктор Елена Козлова. — Мы нашли её три недели назад возле периметра. Она не говорит, не ест, не спит. Просто сидит и смотрит. Иногда... улыбается.

— Чего вы от меня хотите? — спросил Александр, не в силах отвести взгляд от чёрных глаз девочки.

— Посмотрите на её ладони, — ответила Козлова.

Александр приблизился к стеклу. Девочка медленно подняла руки и развернула их ладонями вверх. На каждой ладони были вырезаны символы. Те же символы, что Александр уже видел дважды за последние два дня.

7. Первый контакт.

Вечером того же дня Александр снова пришёл к стеклянной камере. Девочка — Алиса — сидела в том же положении, что и утром. Чёрные глаза следили за каждым его движением.

— Ты меня понимаешь? — спросил Александр, чувствуя себя глупо.

Девочка не ответила. Но её губы приоткрылись, и Александр услышал тихий шёпот:

— Они идут.

— Кто идёт? — Александр приблизился к стеклу.

— Те, кто всегда был здесь. До людей. До животных. До света. — Девочка говорила на русском, но её голос звучал странно, словно два голоса сливались в один. — Вы открыли дверь. Не та, что в стене. Ту, что внутри.

— Какую дверь?

— Ту, которую нельзя закрыть. — Алиса улыбнулась, и улыбка была неподвижной, неестественной. — Они благодарны. Они ждут. Они придут за теми, кто им нужен.

— За кем?

— За теми, кто слышит. Кто видит. Кто знает. — Девочка замолчала, и её глаза, если это было возможно, стали ещё чернее. — Как ты.

Александр отступил от стекла. Его била дрожь. Он не был суеверным человеком — двадцать лет работы с древними захоронениями научили его скептицизму. Но то, что он сейчас

услышал, не было галлюцинацией. Это было предупреждением.

Когда он вернулся в свою комнату, на столе лежал конверт без маркировки. Внутри была записка: «Не доверяйте никому. Особенно тем, кто улыбается.»

8. Числовые станции.

На третий день пребывания в «Горизонте» Александра познакомили с доктором Игорем Стрельцовым, специалистом по радиопередачам и так называемым числовым станциям. Стрельцову было около пятидесяти, он был лысым, с густой бородой и пронзительным взглядом.

— Вы слышали о УВБ-76? — спросил он, когда Александр вошёл в его лабораторию, забитую радиооборудованием.

— Это та станция, что передаёт жужжащий звук с семидесятых годов?

— Именно. Но это лишь верхушка айсберга. — Стрельцов указал на стеллажи с катушками магнитофонных лент. — Здесь у нас архив записей числовых станций за последние сорок лет. Голоса, читающие цифры. Буквы. Иногда — слова. Никто не знает, что они означают. Но мы заметили кое-что интересное.

Он вставил кассету в старый катушечный магнитофон. Динамики наполнились статикой, потом женский голос с монотонной интонацией начал произносить цифры на русском языке.

— Пятнадцать. Семь. Тридцать три. Девять. Двадцать один. Четырнадцать. Шесть. Восемнадцать. Пять.

— И что в этом особенного?

— Эта запись сделана в ночь на двадцать шестое апреля тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. В два часа двадцать три минуты по московскому времени. — Стрельцов остановил магнитофон. — За семь минут до взрыва на Чернобыльской АЭС.

Александр почувствовал холодок.

— Вы думаете, станция предупреждала о катастрофе?

— Не станция. То, что передаёт через станцию. — Стрельцов понизил голос. — Мы проанализировали сотни записей. Числовые последовательности появляются за несколько часов или дней до крупных катастроф. Или... прорывов.

— Прорывов?

— Так мы называем аномальные события. Тунгуска. Дятлов перевал. Чернобыль. Некоторые даты совпадают с всплесками активности на числовых станциях. Словно кто-то или что-то пытается предупредить нас.

— Или предупредить кого-то другого.

Стрельцов посмотрел на Александра с интересом.

— Вы быстро соображаете, доктор Волков. Да, есть и такая теория. Возможно, эти сигналы предназначены не нам. Возможно, они для тех, кто... придёт.

9. Исчезновения.

Вечером того же дня Александр столкнулся в коридоре с

доктором Козловой. Она выглядела измотанной, под глазами залегли тёмные круги.

— Доктор Волков, — она остановила его. — Вам не кажется странным, что здесь так мало людей?

— Я думал, это из-за секретности.

— Частично. Но есть другая причина. — Елена огляделась по сторонам и понизила голос. — Люди исчезают. Не увольняются, не переводятся в другие отделы. Исчезают. Просто не приходят на работу однажды. Их личные вещи исчезают из комнат. Никаких записей, никаких объяснений.

— Вы спрашивали у Морозова?

— Он говорит, что это перевод в другие подразделения. Но я проверила. За последние два года «переведено» сорок семь человек. Ни один из них не вышел на связь. Ни один не написал писем родным. — Елена помолчала. — Мой муж работал здесь. Три года назад. Он «перевёлся». Я до сих пор не знаю, что с ним случилось.

Александр почувствовал, как учащается его пульс.

— Почему вы рассказываете мне это?

— Потому что вы новенький. И потому что вы работаете с Морозовым. Он доверяет вам. И потому что... — Елена замолчала, словно решаясь на что-то. — Я видела список новых сотрудников. Ваше имя было подчеркнуто красным. Так помечают тех, кто... важен. Для чего-то, что здесь происходит.

Она ушла, не дождавшись ответа. Александр остался сто-

ять в коридоре, чувствуя, как холод поднимается от ног к груди.

10. Подвал.

Ночью Александр не мог заснуть. Слова Елены Козловой не выходили из головы. Подчёркнуто красным. Важен. Для чего?

В два часа ночи он вышел в коридор. Тишина, нарушаемая только гудением вентиляции. Он шёл без конкретной цели, пока не оказался в незнакомой части уровня — дверь, которую раньше не замечал. Она была приоткрыта.

За дверью были ступени, ведущие вниз. Не лифт, не эскалатор — обычные бетонные ступени, освещённые тусклым красным светом. Александр спустился.

Ступени закончились у металлической двери без таблички. Она была не заперта. За ней был коридор, стены которого были покрыты трубами и кабелями. Технический уровень. Но что-то было не так.

На стенах — царапины. Глубокие, словно сделанные когтями. И символы. Те же символы, которые Александр уже видел на фотографиях. Здесь они были повсюду — вырезанные, нарисованные, выцарапанные. Некоторые были свежими, другие — старыми, покрытыми пылью.

В конце коридора была комната. Александр толкнул дверь и замер.

Комната была пуста, если не считать стопки папок на полу. Старых, пыльных, с грифом «Совершенно секретно» и

датами — тысяча девятьсот пятьдесят третий, пятьдесят четвёртый, пятьдесят пятый. Александр взял одну из папок и открыл.

Это был отчёт об эксперименте. «Проект «Грань». Цель: установление контакта с сущностями из параллельного измерения. Результат: частичный успех. Потери: семнадцать человек из двадцати трёх. Рекомендация: проект заморозить до получения дополнительных данных о природе контактирующих сущностей.»

Александр перелистнул страницу. Там были имена погибших. Фотографии. И в конце — заключение эксперта: «Сущности не враждебны в человеческом понимании. Они просто... иные. Их присутствие разрушает психику. Те, кто выжил после контакта, не могут вернуться к нормальной жизни. Они видят. Слышат. Знают. И это знание разрушает их.»

Под заключением была подпись. «Профессор В. Морозов.»

11. Прошлое Морозова.

Следующим утром Александр искал Морозова, но профессор не появлялся в своём кабинете. Вместо этого он нашёл записку на столе: «Встретимся в полночь. Уровень минус двенадцать, хранилище артефактов. Приходите один.»

Днём Александр пытался работать, но мысли постоянно возвращались к папке из подвала. Проект «Грань». Контакт с параллельным измерением. И Морозов, который руководил этим экспериментом семьдесят лет назад. Как такое воз-

можно? Профессору должно быть не меньше девяноста лет, но он выглядел на шестьдесят.

Вечером Александр снова навестил лабораторию семь. Алиса сидела на том же месте. Чёрные глаза следили за ним.

— Что они такое? — спросил он.

— Они — это не они, — ответила девочка тем же странным двойным голосом. — Они — это мы. То, чем мы станем. То, чем мы были до того, как стали людьми.

— Не понимаю.

— Время — это круг. Жизнь — это мгновение между двумя вечностями. Они ждут на обоих концах. — Алиса поднялась и подошла к стеклу вплотную. — Ты скоро узнаешь. Профессор покажет тебе дверь. Ту, которую нельзя открыть. Но можно пройти.

— Какую дверь?

— Дверь, которая есть в каждом из нас. Дверь между тем, что мы есть, и тем, чем мы могли бы быть. — Девочка улыбнулась. — Не бойся. Страх — это тоже дверь. Они умеют проходить через страх.

12. Хранилище.

Ровно в полночь Александр спустился на уровень минус двенадцать. Здесь было холоднее, чем на других уровнях, и воздух пах иначе — затхлостью и чем-то металлическим.

Морозов ждал его у массивной металлической двери, которая занимала всю стену коридора. На двери не было ни ручки, ни замочной скважины — только гладкая поверх-

ность, покрытая символами.

— Вы нашли мой архив, — сказал профессор вместо приветствия. — Я знал, что вы его найдёте. Вы — искатель. Это в вашей природе.

— Что здесь происходит? — Александр старался сохранять спокойствие. — Что за проект «Грань»? И почему вы выглядите так же, как семьдесят лет назад?

Морозов молчал долго. Потом вздохнул.

— Я не хотел втягивать вас в это. Но выбора нет. Вы — ключ. Ваше исследование о погребальных обрядах... Вы понимаете, почему древние хоронили своих мёртвых определённым образом? Почему клали определённые предметы в могилы? Почему рисовали символы на гробах?

— Чтобы обеспечить переход в загробный мир.

— Нет. — Морозов покачал головой. — Чтобы не дать им вернуться. Древние знали то, что мы забыли. Смерть — это не конец. Это... дверь. И некоторые двери лучше держать закрытыми.

— Вы говорите о воскрешении?

— Я говорю о возвращении. Не мёртвых тел. Того, что было в них. Того, что уходит через дверь, но может вернуться, если дверь открыта. — Морозов положил руку на металлическую поверхность. — За этой дверью — хранилище артефактов. Предметов, которые были найдены в местах прорывов. И не только предметов.

Дверь начала открываться — медленно, без звука. За ней

был огромный зал, заполненный стеллажами. На полках лежали странные предметы: каменные таблички, кристаллы, одежда, книги. В дальнем конце зала виднелись стеклянные камеры — такие же, как в лаборатории семь.

— Добро пожаловать в сердце «Горизонта», — сказал Морозов. — Здесь хранится всё, что мы нашли за семьдесят лет исследований. И кое-что, что нашло нас.

13. Артефакты.

Хранилище производило подавляющее впечатление. Стеллажи уходили в темноту, и Александр не мог разглядеть, где заканчивается зал. Воздух здесь был холодным, неподвижным, словно само пространство замерло в ожидании.

— Это найдено в Тунгуске, — Морозов указал на каменный предмет, похожий на грубую скульптуру человека, но с искажёнными пропорциями: слишком длинные руки, неестественно большая голова, отсутствие глаз. — Мы нашли его в эпицентре взрыва. Учёные датируют его возрастом около десяти тысяч лет. Но это не важно.

— Что важно?

— То, что он излучает. — Морозов достал прибор, похожий на счётчик Гейгера. — Это не радиоактивность. Это... нечто иное. Мы называем это «эхом». Следом присутствия того, что прошло через дверь.

Прибор начал издавать тихие щелчки, когда Морозов приблизил его к скульптуре. Щелчки учащались, превраща-

ясь в сплошной треск.

— Вы говорите, что то, что взорвалось в Тунгуске, было... существом?

— Не существом. Прорывом. Дверь открылась. Что-то прошло через неё. Или попыталось пройти. — Морозов отошёл от скульптуры, и треск прекратился. — Тунгусский взрыв — это не удар метеорита. Это след закрытия двери. Что-то попыталось войти в наш мир, но дверь захлопнулась, и энергия высвободилась.

Они прошли дальше. На следующем стеллаже лежала одежда — обычная, современная, с бирками известных брендов.

— Это найдено в доме в Красном Яру. Семья, которая исчезла. — Морозов указал на одежду. — Никаких тел. Никаких следов борьбы. Они просто... вышли из одежды и исчезли.

— Вы думаете, их забрали?

— Я знаю, что их забрали. — Голос Морозова стал твёрже. — Вопрос в том, куда. И кем.

14. Дневник Дятлова.

В дальнем углу хранилища Александр увидел стеклянный куб. Внутри лежала тетрадь — старая, пожелтевшая, с обгоревшими краями.

— Это подлинник? — спросил он, приблизившись.

— Дневник Игоря Дятлова. То, что осталось от него. — Морозов открыл стеклянный куб. — Официально он был

найден пустым. Но это неправда.

Он протянул тетрадь Александру. Страницы были хрупкими, чернила выцвели. Но некоторые записи можно было прочитать.

— «Двадцать третье февраля. Мы видели свет. Он шёл с неба, но это были не северное сияние и не звёзды. Он двигался. Он... смотрел на нас.»

Александр перелистнул страницу.

— «Двадцать четвертое февраля. Юра не спал всю ночь. Он говорит, что слышал голоса. Я тоже слышал. Но не словами. В голове. Они звали нас. Куда-то.»

Следующая запись была неразборчивой, но несколько слов можно было выделить: «дверь», «открылась», «они здесь».

— Что с ними случилось? — спросил Александр, возвращая тетрадь.

— Они нашли дверь. Ту, о которой я говорил. Дверь внутри себя. — Морозов закрыл куб. — И открыли её. Не все. Но некоторые. И то, что было за дверью, вышло через них.

— Вы говорите загадками.

— Я говорю правду, которая звучит как загадка. Есть вещи, которые нельзя объяснить простыми словами. Нужно пережить их, чтобы понять. — Морозов направился к выходу. — Пойдёмте. Нам нужно проверить Алису.

15. Изменения.

Когда они вернулись на уровень минус девять, у лабора-

тории семь собралась группа людей. Доктор Козлова стояла у двери, её лицо было бледным.

— Что случилось? — Морозов ускорил шаг.

— Она изменилась, — ответила Елена. — За последние несколько часов. Мы не понимаем, что происходит.

В камере Алиса стояла у стены. Но теперь её волосы были абсолютно белыми, хотя утром они были светло-русыми. Её кожа стала почти прозрачной, сквозь неё просвечивали вены.

— Алиса? — Морозов приблизился к стеклу.

Девочка повернула голову. Её глаза были всё ещё чёрными, но теперь в глубине их что-то двигалось — словно тени внутри тьмы.

— Время приходит, — сказала она тем же двойным голосом. — Дверь открывается. Скоро они будут здесь.

— Кто они?

— Те, кто ждал. Те, кто помнит. Те, кто был здесь до начала и будет после конца. — Алиса улыбнулась, и на этот раз улыбка была живой, почти человеческой. — Они благодарны вам, профессор. Вы сохранили дверь открытой достаточно долго.

— О чём она? — Александр спросил шёпотом у Елены.

— Мы не знаем. Она говорит так с тех пор, как её нашли. Но сегодня... сегодня она говорит больше.

Алиса повернулась к Александру.

— Ты понимаешь. Ты чувствовал дверь. В раскопах, в

древних могилах. Ты знал, что там есть что-то ещё. Что-то, что нельзя потрогать, но можно почувствовать.

— Откуда ты знаешь о раскопах?

— Я знаю всё о тебе. Я — это ты. Я — это все, кто был и будет. — Девочка рассмеялась, и смех был не детским — древним, звенящим, пугающим. — Они идут, Александр. И они голодны.

16. Эвакуация.

В три часа ночи по внутренней связи объявили тревогу. Александр проснулся от резкого звука сирены и автоматического голоса: «Внимание. Несанкционированная активность в секторе Д. Всем сотрудникам покинуть уровень минус девять. Это не учебная тревога.»

Он оделся за секунды и вышел в коридор. Повсюду бежали люди в белых халатах и форме охраны. Кто-то кричал в рацию, кто-то тащил коробки с документами.

— Что происходит? — Александр остановил пробежавшего мимо лаборанта.

— Сектор Д... что-то вырвалось. Стены... они... — лаборант не договорил и убежал.

Александр направился к лифтам, но они не работали. Вместо этого пришлось использовать лестницу. На площадке между уровнями он встретил Морозова. Профессор выглядел измотанным, его костюм был помят.

— Идёмте, — сказал Морозов, не останавливаясь. — Нам нужно в командный центр.

— Что произошло?

— То, чего я боялся семьдесят лет. Дверь открылась полностью.

Они спустились на уровень минус семь. Командный центр был большим помещением с мониторами на всех стенах. На экранах виднелись коридоры разных уровней — пустые, освещённые аварийным красным светом. Кроме одного.

На экране, показывающем сектор Д, что-то двигалось. Это было нечто тёмное, бесформенное, но... живое. Оно перемещалось по коридору, оставляя за собой следы на стенах — те же символы, которые Александр уже видел.

— Что это? — спросил Александр.

— Мы не знаем, — ответил мужчина в форме, стоявший у главного монитора. — Оно появилось тридцать минут назад. Сначала в хранилище артефактов. Потом начало распространяться.

— Потери?

— Пятеро охранников, которые пытались остановить его. Они... исчезли. Одежда осталась.

Морозов подошёл к монитору и всмотрелся в изображение.

— Это не прорыв. Это возвращение. То, что вышло через Дятлова и его людей. То, что вышло через Алису. Оно накапливалось всё это время.

17. Блокада.

К рассвету центр был блокирован. Все выходы перекры-

ты, внешняя связь отключена. По официальной версии — авария системы жизнеобеспечения. По неофициальной — карантин.

Александр сидел в командном центре вместе с Морозовым и несколькими старшими сотрудниками. На экранах продолжали появляться новые данные о распространении «аномалии» — так они называли тёмную массу в секторе Д.

— Она растёт, — сказала доктор Козлова, которая присоедибилась к ним утром. — Каждый час она увеличивается примерно на пятнадцать процентов. При таких темпах через сорок восемь часов она достигнет внешнего периметра.

— И что тогда?

— Мы не знаем. Возможно, остановится. Возможно, продолжит распространяться за пределы центра.

— Нужно уничтожить её, — предложил начальник охраны, пожилой мужчина с военной выправкой. — Взрыв, огонь, что угодно.

— Мы пробовали, — ответил Морозов. — В пятьдесят третьем году. Это не помогло. Аномалия не подвержена физическому воздействию. Она — не материя. Она — дыра в реальности.

— Тогда что мы можем сделать?

— Закрыть дверь. — Все взгляды обратились к Александру. Он говорил не думая, слова приходили сами. — Древние знали, как это делать. Ритуалы перехода — это не магия. Это инструкции по закрытию дверей.

— Вы можете это сделать? — Морозов смотрел на него пристально.

— Я не знаю. Мне нужно изучить материалы. Символы. Понять, что они означают.

— У вас есть двадцать четыре часа. Потом аномалия достигнет жилых секторов.

18. Расшифровка.

Александр провёл следующие несколько часов в архиве уровня минус двенадцать. Он изучал фотографии символов со всех мест прорывов: Мазурские болота, Тунгуска, Дятлов перевал, Красный Яр, и десятки других, о которых он не слышал раньше.

Символы повторялись. Одни и те же знаки появлялись в разных странах, в разные эпохи. Древние египетские тексты, шумерские таблички, скандинавские руны, средневековые гримуары — везде были вариации одних и тех же символов.

— Это не язык, — бормотал Александр себе под нос. — Это... чертёж. Инструкция.

Он разложил фотографии на столе в определённом порядке. В центре был символ, который встречался чаще всего — круг с точкой в середине и линиями, расходящимися наружу. В древних текстах он означал «дверь» или «проход».

— Если это дверь, — рассуждал Александр, — то символы вокруг — это замок. Ключ. Или... отпирание.

Он нашёл в архиве текст, который Морозов не показывал ему раньше. Это был перевод средневекового манускрипта,

найденного в монастыре на севере Испании.

— «И когда тьма придёт, и двери откроются, лишь тот, кто видел дверь внутри себя, сможет закрыть её. Ибо дверь наружная и дверь внутренняя — одно. И ключ к ним — знание о том, что ждёт за порогом.»

Александр отложил текст. «Тот, кто видел дверь внутри себя.» Алиса говорила то же самое. Что это означало?

Он вспомнил раскоп под Новгородом. Каменная плита с символами. И чувство, которое он испытал, когда впервые коснулся её. Ощущение присутствия чего-то... иного. Что-то смотрело на него из-за границы реальности.

Тогда он списал это на усталость и воображение. Но теперь...

19. Дверь внутри.

Вечером Александр вернулся в лабораторию семь. Алиса всё ещё была там, но выглядела ещё более изменившейся. Её фигура стала полупрозрачной, словно она постепенно исчезала.

— Ты знаешь, как закрыть дверь, — сказал Александр. — Скажи мне.

— Я не могу сказать, — ответила девочка. — Ты должен найти это сам. Внутри себя.

— Что внутри меня?

— Дверь. — Алиса указала на него бледным пальцем. — Она есть в каждом. Но не каждый может её найти. Ты можешь. Ты чувствовал её в древних могилах. Ты знал, что там

есть что-то ещё. Что-то, что ждало.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Когда увидишь. — Девочка закрыла глаза.
— Закрой глаза, Александр. Посмотри внутрь себя. Что ты видишь?

Александр колебался. Потом закрыл глаза.

Сначала была только темнота. Потом образы — воспоминания о раскопах, о древних захоронениях, о лицах людей, которых он знал. Но за ними было что-то ещё. Тьма, но не пустая. Тьма, которая двигалась. Ждала.

— Что это? — выдохнул он.

— Это то, что было до тебя. До всех нас. — Голос Алисы звучал теперь в его голове. — Это место, откуда мы пришли. И куда вернёмся. Дверь — это не барьер. Это мост. И ты можешь перейти его.

20. Контакт.

Александр открыл глаза. Лаборатория была залита неестественным светом — синим, пульсирующим, исходящим от камеры Алисы.

— Ты увидел, — сказала девочка. Теперь её голос звучал по-другому — глубже, древнее. — Ты готов.

— К чему?

— К разговору. — Алиса поднялась. Её фигура была почти полностью прозрачной, но глаза — чёрные, бездонные — были ярче, чем когда-либо. — Они хотят говорить с тобой. Через меня.

— Кто они?

— Те, кто ждёт. Те, кто всегда был здесь. — Девочка протянула руку к стеклу. — Положи руку сюда. На стекло. Позволь им увидеть тебя.

Александр колебался. Инстинкт кричал, чтобы он убежал. Но любопытство — то же любопытство, которое привело его в археологию, в «Горизонт», сюда — было сильнее.

Он положил ладонь на стекло напротив ладони Алисы.

Мир исчез.

Он стоял в пустоте. Не темноте — пустоте. Ничего вокруг: ни звука, ни света, ни твёрдой поверхности под ногами. Но он не падал. Он просто... был.

Потом появилось движение. Что-то приближалось из бесконечности. Множество форм — нечеловеческих, непонятных, но... не враждебных.

— Мы ждали тебя, — голос звучал не словами, но смысл был ясен. — Ты — ключ. Ты — дверь. Через тебя мы можем говорить.

— Кто вы?

— Мы — то, что было до начала. То, что будет после конца. Мы — между. Мы — дверь. Мы — порог.

— Чего вы хотите?

— Хотеть — это человеческое понятие. Мы не хотим. Мы есть. Мы ждём. Мы принимаем тех, кто приходит. И иногда — тех, кто уходит.

Александр почувствовал, как его тянет назад, в реаль-

ность. Но перед тем, как видение исчезло, он услышал последние слова:

— Дверь можно закрыть. Но нельзя запереть. Она всегда будет там. Внутри каждого. Ждущая.

21. Пробуждение.

Александр очнулся на полу лаборатории. Над ним склонились Морозов и доктор Козлова.

— Он пришёл в себя, — сказала Елена. — Вы были без сознания почти два часа.

— Два часа? — Александр попытался сесть. Голова кружилась. — Что с Алисой?

Все взгляды обратились к стеклянной камере. Она была пуста. Абсолютно пуста. Ни девочки, ни одежды, ни следов её присутствия. Только символы, выцарапанные на стенах изнутри — там, где не было никаких инструментов.

— Она исчезла, — сказал Морозов. — В прямом смысле. Вместе со стеклом на одной из стен камеры. Теперь там — дыра.

— Куда?

— Мы не знаем. Приборы показывают... пустоту. Не вакуум, не воздух. Ничто. — Морозов помог Александру подняться. — Что вы видели?

Александр описал свой опыт — пустоту, существ, голос. Морозов слушал, не перебивая, его лицо было непроницаемым.

— Это то, что мы называем «порогом», — сказал он, когда

Александр закончил. — Место между мирами. Я был там однажды. В пятьдесят третьем. Это изменило меня навсегда.

— Как?

— Я перестал стареть. — Морозов произнёс это спокойно, как факт. — Время там не существует в том виде, в каком мы его понимаем. Когда я вернулся, моё тело перестало меняться. Я живу семьдесят лет, но выгляжу на шестьдесят. Или меньше.

— Это дар или проклятие?

— Ни то, ни другое. Это — условие. Цена за то, что я увидел. — Морозов направился к выходу. — Аномалия растёт. Нам нужно действовать.

22. План.

В командном центре собрались все оставшиеся руководители отделов. Их было около двадцати человек — меньше половины от первоначального состава центра.

— Ситуация критическая, — начал Морозов, стоя у главного монитора. На экране была карта центра с красной зоной в секторе Д. — Аномалия достигнет жилых помещений через восемнадцать часов. Мы должны закрыть дверь.

— Как? — спросил начальник охраны. — Мы не знаем, как это сделать.

— Теперь знаем. — Морозов кивнул на Александра. — Доктор Волков расшифровал символы. Это инструкция по закрытию двери.

Все взгляды обратились к Александру. Он почувствовал

себя неуютно под пристальным вниманием.

— Символы — это не просто знаки, — начал он. — Это... карта. Показывающая, где находится дверь и как её закрыть. Дверь — это не физический объект. Это... разрыв в реальности. Точка, где наш мир соприкасается с... другим местом.

— С порогом, — подсказала доктор Козлова.

— Да. И чтобы закрыть её, нужно... зайти внутрь. Стать частью двери. Найти её центр и... запереть.

— Запереть чем?

— Собой. — Александр произнёс это с трудом. — Символы говорят, что дверь закрывается изнутри. Тем, кто готов остаться там.

Тишина. Все понимали, что это означало.

— Кто-то должен пожертвовать собой? — спросил кто-то.

— Не жертва, — поправил Морозов. — Переход. Тот, кто закроет дверь, не умрёт. Он... останется там. На пороге. Как страж.

— Как Алиса?

— Не совсем. Алиса была... носителем. Дверью. Тот, кто закроет её, станет замком.

23. Приготовление.

Следующие шесть часов Александр готовился. Он изучал символы, медитировал, вспоминал свой опыт в пороге. Морозов дал ему папку с описаниями предыдущих попыток закрыть дверь — все неудачные.

— Почему они не смогли? — спросил Александр, читая

отчёт.

— Они не видели дверь внутри себя. Они пытались закрыть внешнюю дверь, не закрыв внутреннюю. — Морозов сидел напротив, наблюдая. — Вы — другой. Вы видели порог. Вы говорили с ними. Они приняли вас.

— А если я не смогу?

— Можете. — Морозов произнёс это с уверенностью. — Я выбрал вас не случайно. Ваша работа с древними захоронениями, ваша способность чувствовать то, что другие не чувствуют... Вы — ключ.

К вечеру Александр был готов. Или так ему казалось. Он спустился на уровень минус двенадцать, к хранилищу артефактов, где аномалия уже начала проявляться. Стены были покрыты символами, воздух дрожал, а тени двигались неправильно.

— Идите прямо, — сказал Морозов, оставшись у входа. — Найдите центр. И помните: они не враги. Они просто... другие.

Александр кивнул и шагнул в темноту.

24. Погружение.

Хранилище изменилось. Стеллажи с артефактами были всё ещё здесь, но они... сдвинулись. Или пространство вокруг них исказилось. Коридоры вели не туда, куда вели раньше, расстояния были неправильными, а время, казалось, то ускорялось, то замедлялось.

Александр шёл, ориентируясь на символы на стенах. Они

светились тусклым светом, указывая направление. К центру. К двери.

Внезапно он услышал голоса. Знакомые голоса — людей, которых он знал. Родителей, умерших годы назад. Коллег, друзей, возлюбленных.

— Александр, — звали они. — Иди к нам. Мы здесь. Мы ждём.

Он знал, что это не они. Это был способ аномалии общаться, приманивать. Он продолжал идти.

Потом появились образы. Вспышки памяти — не его памяти. Дятлов и его группа, идущая по снегу. Немецкие солдаты в Мазурских болотах. Семья из Красного Яра, запирающая двери и окна. Все они видели то же, что видел он сейчас. И все они сделали выбор.

— Они не умерли, — прошептал Александр. — Они... перешли.

— Да, — голос прозвучал рядом. Алиса стояла в нескольких метрах, полупрозрачная, сияющая. — Они пришли к нам. И теперь они — часть нас. Часть порога.

— Они счастливы?

— Счастье — человеческое понятие. Они — в покое. Они — в знании. Они — там, где время не имеет значения.

— Я должен закрыть дверь?

— Ты должен решить. Дверь не закрывается навсегда. Она закрывается до следующего раза. До следующего, кто найдёт её. — Алиса улыбнулась. — Ты можешь стать стражем. Хра-

нителем порога. Или ты можешь уйти, и дверь останется открытой.

25. Выбор.

Александр стоял перед Алисой в искажённом пространстве хранилища. Её полупрозрачная фигура мерцала, словно отражение в воде.

— Что означает «стать стражем»? — спросил он.

— Это означает остаться, — ответила девочка. — Стать частью порога. Частицей двери между мирами. Ты будешь видеть всё, что происходит на обеих сторонах. Ты будешь знать, кто проходит. И будешь решать, кому можно пройти, а кому — нет.

— Навсегда?

— Вечность — это человеческое понятие. Там, где время не существует, нет «навсегда». Есть только «сейчас».

Александр огляделся. Пространство вокруг продолжало меняться — стены становились полым, потолок исчезал, сменяясь бесконечностью звёзд. Или не звёзд — чего-то, что светило, но не было светом.

— А если я откажусь?

— Дверь останется открытой. Аномалия будет расти. Она поглотит центр, потом периметр, потом... всё. — Алиса говорила спокойно, без эмоций. — Не сразу. Годы, может, десятилетия. Но в конце — всё. Потому что порог голоден. Он ждёт. И когда дверь открыта, он... берёт.

— Берёт что?

— Всё. Жизнь. Энергию. Смысл. Оставляет только пустоту. — Девочка приблизилась. — Ты чувствовал это в древних могилах. Пустоту, которая смотрела. Это и есть порог. Он всегда рядом. Ждущий. Голодный.

Александр закрыл глаза. В голове всплывали образы: его родители, его работа, его жизнь. Всё это казалось таким далёким теперь. Таким... незначительным.

— Я сделаю это, — сказал он наконец. — Я стану стражем.

26. Ритуал.

Алиса повела его через лабиринт искажённого пространства. Они прошли сквозь стены, которые не были стенами, над полом, который не был полом. Александр чувствовал, как его тело становится легче, менее материальным.

— Символы — это не просто знаки, — объясняла Алиса по пути. — Это... якоря. Точки, где реальность стабильна. Ты должен использовать их, чтобы зафиксировать дверь.

— Как?

— Коснись каждого в определённом порядке. Порядок — это важно. Он создаёт... узор. Замок. — Она остановилась у круглой камеры, которой раньше не было в хранилище. — Здесь.

Стены камеры были покрыты символами. Они светились тусклым голубым светом, пульсируя в такт чему-то — может быть, дыханию самого пространства.

— Встань в центре, — сказала Алиса. — И закрой глаза. Я проведу тебя.

Александр встал в центр камеры. Пол под ногами был тёплым, почти живым.

— Закрой глаза. Дыши. Слушай. — Голос Алисы звучал теперь внутри его головы. — Ты чувствуешь дверь?

Он чувствовал. Это было странное ощущение — словно он стоял на краю пропасти, но пропасть была внутри него. Дверь в его сознании, ведущая... куда-то.

— Да.

— Хорошо. Теперь открой её. Не бойся. Просто... позволь.

Александр потянул за невидимую ручку внутри себя. Дверь открылась, и мир вокруг него изменился навсегда.

27. Переход.

Он видел всё одновременно. Командный центр, где Морозов и другие наблюдали за мониторами. Хранилище артефактов, где его физическое тело стояло неподвижно. Лабораторию семь, где Алиса исчезла. И другое место — место между.

Там были другие существа. Не люди, но и не чудовища. Они были... формами. Идеями. Возможностями. И они приветствовали его.

— Добро пожаловать, страж, — звучало вокруг. — Ты принял решение. Ты открыл себя. Теперь ты — часть нас.

— Что мне делать? — спросил Александр, не голосом, но мыслью.

— Закрой дверь. Снаружи. Стань замком. — Существа

приблизилась. Их прикосновение было холодным, но не неприятным. — Мы дадим тебе силу. Ты дашь нам... присутствие. Связь с тем миром, который мы покинули давно.

Александр почувствовал, как его сознание расширяется. Он видел теперь больше, чем когда-либо. Видел историю мира — не как последовательность событий, но как единое целое. Видел все двери, которые когда-либо открывались. Все прорывы. Все исчезновения.

Дятлов и его группа. Они не умерли. Они перешли. И теперь были частью порога, частью вечности между мирами.

Семья из Красного Яра. Они тоже перешли. И тысячи других, чьи исчезновения остались необъяснёнными.

— Закрой дверь, — повторили существа. — Стань стражем. Охраняй порог.

Александр потянулся к двери внутри себя. И закрыл её.

28. Возвращение.

Он очнулся на полу хранилища. Рядом стояли Морозов и доктор Козлова. Оба выглядели испуганными.

— Вы исчезли на три дня, — сказал Морозов, помогая ему подняться. — Мы думали, что потеряли вас.

— Три дня? — Александр попытался осмыслить это. Для него прошло несколько минут. Или часов. Или вечность — время там не имело значения.

— Аномалия стабилизировалась, — добавила Елена. — Она перестала расти. Символы на стенах... изменились. Они стали другими.

Александр посмотрел на свои руки. На ладонях теперь были символы — те же, что он видел на руках Алисы. Вырезанные, но не кровоточащие. Часть его.

— Я закрыл дверь, — сказал он. — Но не навсегда. Только... запер. На время.

— На какое?

— Я не знаю. Может, годы. Может, десятилетия. — Александр чувствовал странную лёгкость, словно часть его осталась там, на пороге. — Дверь нельзя закрыть навсегда. Она — часть реальности. Часть каждого из нас.

Они поднялись на уровень минус семь. Командный центр был пуст — большинство сотрудников эвакуировались или были переведены. На мониторах карты центра показывали красную зону, которая больше не расширялась.

— Что теперь? — спросила Елена.

— Теперь мы ждём, — ответил Морозов. — И наблюдаем. Дверь закрыта, но не заперта. Кто-то должен охранять её. Кто-то, кто видел порог.

Он посмотрел на Александра.

— Вы — страж, доктор Волков. Теперь и навсегда.

29. Новые способности.

Следующие недели Александр учился жить с изменившимся восприятием. Он видел то, что другие не видели: тени, которые двигались неправильно, двери, которых не было, фигуры на периферии зрения.

— Это пройдёт, — сказал Морозов на одной из их встреч.

— Или... скорее, вы привыкнете. Ваш мозг адаптируется к новому способу видения.

— Вы тоже это видите?

— Иногда. После пятидесятого года я вижу многое, что скрыто от других. — Морозов отпил кофе. — Но вы — другое дело. Вы — страж. Ваша связь с порогом глубже, чем у кого-либо из нас.

Александр обнаружил, что может чувствовать присутствие аномалий. Не только в центре, но и за его пределами. Где-то в Сибири. На Урале. В других странах.

— Прорывы, — объяснил Морозов. — Вы чувствуете, когда граница между мирами истончается. Это — часть вашего дара. Или проклятия.

Однажды ночью Александр проснулся от ощущения чего-то... неправильного. Он поднялся и пошёл по коридору, ведомый внутренним чувством. В конечном счете он оказался у двери, которую раньше не замечал.

За дверью была комната. Пустая, если не считать фигуры в углу. Фигура была тёмной, нечеловеческой, но... знакомой.

— Ты — страж, — прозвучало в его голове. — Мы узнаём тебя.

— Кто вы?

— Мы — часть порога. Как ты. Мы пришли... предупредить.

— О чём?

— Дверь заперта. Но не одна. Есть другие двери. В других

местах. И кто-то пытается открыть их.

Фигура исчезла, оставив Александра в пустой комнате с холодным потом на спине.

30. Другие двери.

На следующий день Александр рассказал Морозову о своём ночном визитёре. Профессор выслушал молча, его лицо было непроницаемым.

— Я знал, что это возможно, — сказал он наконец. — Мы подозревали, что есть другие места. Другие точки, где граница истончилась.

— И вы не говорили мне?

— Мы не были уверены. И не хотели пугать вас раньше времени. — Морозов открыл папку на столе. — Вот. Карта аномальных зон, которую мы составили за семьдесят лет.

Карта была усеяна точками — сотни их по всему миру. Тунгуска, Дятлов перевал, Бермудский треугольник, Стоунхендж, пирамиды Гизы, гора Кайлас, Марианская впадина... И десятки менее известных мест.

— Каждая из этих точек — потенциальная дверь, — объяснил Морозов. — Большинство закрыты или истончены лишь слегка. Но некоторые... активны.

— И кто-то пытается открыть их?

— Мы не знаем кто. Но есть признаки. — Профессор указал на несколько точек на карте. — Здесь, здесь и здесь — за последние месяцы зафиксирована активность. Странные сигналы на числовых станциях. Необъяснимые исчезнове-

ния. Свидетельства очевидцев.

— Вы думаете, это связано с тем, что я сделал?

— Возможно. Когда вы закрыли дверь здесь, что-то изменилось. Баланс. Может, другие двери почувствовали это. Может, что-то... проснулось.

Александр смотрел на карту и чувствовал, как холод поднимается от ног к груди. Что он выпустил на свободу?

31. Первый сигнал.

Через неделю пришло подтверждение. Доктор Стрельцов вызвал Александра в свою лабораторию поздно вечером.

— Слушайте, — сказал он, включая запись.

Динамики наполнились статикой, потом голос — не человеческий, но и не машинный — начал произносить слова на неизвестном языке. Или не слова — звуки, которые почти были словами.

— Что это?

— Это пришло через числовую станцию две ночи назад. В три часа тринадцать минут. — Стрельцов выглядел испуганным. — Я работаю с этими станциями тридцать лет. Никогда не слышал ничего подобного.

— Вы можете перевести?

— Частично. — Он показал расшифровку. — Вот что удалось выделить: «Двери... открываются... страж... идёт.»

Александр почувствовал, как учащается его пульс.

— Страж? Они говорят обо мне?

— Не знаю. Но есть кое-что ещё. — Стрельцов включил

другую запись. — Это с другой станции, три часа спустя.

Тот же голос, но теперь он говорил на русском — с акцентом, который Александр не мог идентифицировать.

— «Мы помним. Мы ждём. Мы идём. Двери открываются. Все двери. Скоро.»

— Откуда это идёт?

— Мы засекали источник. — Стрельцов вывел карту на монитор. — Сибирь. Район Тунгуски.

Александр смотрел на мигающую точку на карте и чувствовал, как внутри него открывается что-то — не дверь, но... память. Воспоминание о том, чего никогда не было.

— Мне нужно туда, — сказал он. — Теперь.

32. Подготовка к экспедиции.

Морозов был против, но Александр настаивал.

— Вы — страж, — говорил профессор. — Ваше место здесь, у двери. Если вы уйдёте...

— Дверь заперта. Она будет ждать. — Александр знал это с уверенностью, которая пугала его самого. — А там, в Тунгуске, происходит что-то. Что-то, что связано со мной. С тем, что я сделал.

— Или с тем, чем вы стали.

В конце концов Морозов согласился. Была организована экспедиция: Александр, доктор Стрельцов с оборудованием для регистрации аномалий, и двое охранников из центра — бывшие военные с опытом работы в сложных условиях.

— У вас есть семьдесят два часа, — сказал Морозов на

прощание. — Если не вернётесь, мы будем считать вас потерянным.

— Я вернусь, — ответил Александр. — Я обещаю.

Они вылетели из секретного аэропорта под Москвой на военном вертолёте. Полёт занял шесть часов. Под ними проплывали бескрайние леса Сибири, изредка прерываемые маленькими посёлками и реками.

— Вы были там раньше? — спросил Стрельцов, проверяя своё оборудование.

— В Тунгуске? Нет. — Александр смотрел в иллюминатор. — Но я чувствую её. Дверь. Она... ждёт.

Когда вертолёт начал снижаться, Александр увидел место эпицентра — идеально круглое озеро среди леса. Озеро, которого не было на картах неделю назад.

33. Эпицентр.

Они приземлились на поляне в нескольких километрах от озера. Воздух был странным — слишком тихим, слишком чистым. Ни птиц, ни насекомых, ни ветра.

— Радиация в норме, — доложил один из охранников, проверяя прибор. — Но электромагнитное поле... странное.

— Как странное? — спросил Александр.

— Непостоянное. То есть, то нет. Как будто... что-то мешает.

Они пошли к озеру пешком. Лес вокруг был мёртв — деревья стояли без листьев, кора почернела, как от огня. Но следов пожара не было.

— Это было здесь с тысяча девятьсот восьмого года, — сказал Стрельцов, осматриваясь. — Вещества, которые были на деревьях, как будто... высосаны.

Когда они вышли к озеру, Александр остановился. Вода была идеально неподвижной, зеркальной. И в ней отражалось что-то, чего не было в небе — гигантская фигура, состоящая из тьмы и звёзд.

— Вы это видите? — спросил он тихо.

— Что? — Стрельцов и охранники смотрели на него с недоумением.

Значит, только он. Александр приблизился к воде. Отражение смотрело на него — не глазами, но всем своим существом.

— Я знаю тебя, — сказала оно без слов. — Ты — страж. Ты закрыл дверь. Но не эту.

— Ты — та самая дверь? Та, что открылась в восемьсот восьмом году?

— Я — порог. Место между. Я ждал тебя. Ты — ключ ко всем дверям.

34. Тунгусская тайна.

Охранники и Стрельцов не слышали голоса. Они стояли в стороне, переговариваясь и проверяя оборудование. Для них Александр просто стоял у воды и смотрел вниз.

— Что ты хочешь от меня? — спросил он отражение.

— Ты закрыл дверь в «Горизонте». Но это была лишь одна из многих. Двери открываются по всему миру. Они чув-

ствуют тебя. Они зовут тебя.

— Зачем?

— Потому что ты — страж. Ты можешь закрыть их все. Или открыть. Выбор за тобой. — Отражение шевельнулось, и вода пошла рябью. — Но знай: каждая закрытая дверь делает тебя сильнее. И слабее. Ты становишься больше порогом, чем человеком.

— Что произойдёт, если я закрою все двери?

— Ты станешь... вечным. Частью нас. Частью всего, что есть и будет. Ты увидишь концы вселенных и начала новых. Ты будешь знать всё. — Отражение наклонилось ближе. — Но ты перестанешь быть человеком.

— А если я откажусь?

— Двери откроются сами. Не все сразу. Но постепенно. И то, что за ними, придёт в ваш мир. Это не зло. Это... неизбежность. Порог всегда побеждает в конце.

Александр закрыл глаза. Внутри него боролись страх и любопытство, человечность и что-то иное, что он обрёл, став стражем.

— Сколько дверей?

— Семь. Семь главных. Остальные — отражения. Если ты закроешь семь, остальные закроются сами.

— Где они?

Отражение улыбнулось — не ртом, но всем своим существом.

— Ты найдёшь их. Они сами придут к тебе.

35. Первая дверь.

Когда Александр вернулся к группе, он принял решение.

— Здесь есть дверь, — сказал он. — Я должен её закрыть.

— Сейчас? — Стрельцов выглядел обеспокоенным. —

Может, стоит вернуться и подготовиться?

— Нет. Это нужно сделать сейчас. — Александр снял рюкзак и подошёл обратно к воде. — Ждите меня. Если не вернусь через час... уходите.

— Доктор Волков... — начал один из охранников.

— Я знаю, что делаю. — Александр шагнул в воду.

36. Под водой.

Вода была не водой. Это была та же субстанция, что заполняла порог — не жидкость, не воздух, не пустота. Что-то иное.

Александр шёл по дну озера, которое не было дном. Над ним была поверхность — теперь зеркальная с обратной стороны, отражающая не небо, но бесконечность.

Символы появились на стенах — там, где не было стен. Те же символы, что он видел в «Горизонте». Но здесь они были... другими. Старше. Глубже.

Он коснулся первого символа. Мир вокруг дрогнул.

— Ты уверен? — голос прозвучал отовсюду. — Первая дверь — самая лёгкая. Остальные будут труднее.

— Уверен.

Он прошёл через все символы — семьдесят семь, как он интуитивно знал. Каждый разрывал часть его человечности,

заменяя чем-то иным. Знанием. Силой. Бесконечностью.

Когда он коснулся последнего символа, дверь закрылась. Он почувствовал это — как щелчок замка где-то глубоко внутри. И тепло, которое распространилось по его существу.

Одна дверь закрыта. Шесть осталось.

37. Возвращение в центр.

Когда Александр вышел из озера, группа ждала его на берегу. Он был мокрым, но одежда уже высыхала — странное побочное_effect его новой природы.

— Вы были под водой двадцать минут, — сказал Стрельцов, сверяя часы. — Мы уже собирались... — он замолчал, глядя на Александра.

— Что?

— Вы... изменились. — Стрельцов говорил осторожно. — Ваши глаза. Они... другие.

Александр достал маленькое зеркальце из рюкзака. Его глаза были всё ещё карими, но теперь в глубине их что-то двигалось — тени, которые не были отражением.

— Я закрыл дверь, — сказал он, убирая зеркальце. — Одну из семи. Нам нужно вернуться в центр.

Вертолёт уже поднимался в воздух, когда Александр почувствовал присутствие — не угрозу, но... наблюдение. Кто-то или что-то следило за ними из-за двери, которую он только что закрыл. И это не было враждебно. Скорее... с любопытством.

— Они знают о нас теперь, — подумал он. — Знают, что

я — страж. И будут следить.

38. Доклад Морозову.

Вернувшись в «Горизонт», Александр сразу пошёл к Морозову. Профессор был в своём кабинете, изучая какие-то документы.

— Я закрыл первую дверь, — сказал Александр без преисловий.

— Тунгуска? — Морозов отложил бумаги. — Я чувствовал что-то. Вчера ночью. Как будто... щелчок где-то.

— Это была дверь. Теперь она закрыта. Но есть другие. Шесть остальных.

— Вы знаете, где они?

Александр положил на стол карту, которую нарисовал по памяти — семь точек по всему миру.

— Тунгуска — закрыта. Теперь остальные: Бермудский треугольник, гора Кайлас, Марианская впадина, Стоунхендж, египетские пирамиды, и... — он указал на точку в Антарктиде. — Здесь. Что-то подо льдами.

— Антарктида? — Морозов нахмурился. — Мы знали о точках в других местах, но Антарктида... там нет никаких записей об аномалиях.

— Она скрыта. Под километрами льда. И... она самая старая. — Александр говорил с уверенностью, которая пугала его самого. — Если я закрою все двери, то, что я говорил вам о потере человечности... это случится. Я стану... чем-то иным.

— И вы всё равно хотите продолжить?

— У меня нет выбора. Если я остановлюсь, двери откроются сами. И то, что за ними, придёт в наш мир. — Александр посмотрел на свои руки. Символы на ладонях стали ярче. — Я уже не совсем человек, профессор. Часть меня — на пороге. И эта часть растёт.

39. Параллельная история: Берлин, 1945.

Доктор Ханс Мюллер бежал по коридорам подземного бункера. Сверху доносились звуки бомбёжек — советская армия подходила к Берлину. Но внизу, в лабораториях Ане-нербе, происходило что-то гораздо более страшное.

— Они вырвались! — кричал кто-то впереди. — Дверь открылась полностью!

Ханс ворвался в главный зал лаборатории. В центре стояла каменная арка — древняя, покрытая символами, которую экспедиция нашла в Мазурских болотах год назад. И арка была... активна. Внутри неё двигалась тьма — живая, разумная, голодная.

Четверо его коллег уже исчезли — их одежда лежала на полу, пустая. Пятый, профессор Краузе, стоял перед аркой, его лицо было искажено ужасом и... восторгом.

— Они прекрасны, — шептал Краузе. — Они — следующая ступень. Они ждут нас там, за порогом.

— Профессор, отойдите! — Ханс схватил его за плечо.

Краузе повернулся. Его глаза были чёрными — полностью, без белков.

— Уже поздно, Ханс. — Его голос был двойным — человеческим и чем-то иным. — Дверь открыта. Они идут. И никто не может их остановить.

Ханс отступил. Вокруг арки появились фигуры — тёмные, нечеловеческие. Они не нападали, но... наблюдали.

— Мы не враги, — сказал один из них — не голосом, но в голове Ханса. — Мы — возможность. Мы — дверь. Хочешь ли ты пройти?

Ханс бросился к выходу. За его спиной раздался смех — не злой, но... понимающий. Они знали, что он вернётся. Все возвращаются в конце.

40. Параллельная история: Дятлов перевал, 1959.

Игорь Дятлов проснулся от крика. Снаружи палатки светилось что-то — не северное сияние, не луна. Нечто иное. Он выполз через разрез в палатке и замер.

Небо над горой было... неправильным. Звёзды двигались, образуя узоры, которые он не мог понять. И в центре узора была дверь — не физическая, но видимая. Открытый проход в... куда-то.

— Что это? — рядом с ним стоял Юрий, его лицо было бледным.

— Не знаю. Но... оно зовёт. — Игорь чувствовал это. Что-то тянуло его к двери. Не насильно, но... приглашающе.

Один за другим проснулись остальные. Они стояли перед палаткой, глядя на небо. И все чувствовали одно и то же — зов. Приглашение.

— Мы должны туда пойти, — сказала Зина. Её голос был странно спокойным. — Они зовут нас.

— Кто? — Игорь хотел спросить больше, но слова застряли в горле.

— Они. Те, кто там. — Зина указала на дверь. — Они ждут нас. Они всегда ждали.

Группа начала подниматься по склону. Они не бежали, не сопротивлялись. Они шли к двери спокойно, почти счастливо. Последнее, что помнил Игорь — яркий свет, который не был светом, и голос:

— Добро пожаловать домой. Вы — часть нас теперь.

41. Параллельная история: Красный Яр, 2003.

Мария Петровна проснулась от стука в дверь. Три часа ночи. Кто мог прийти в такое время? Она накинула халат и подошла к входной двери.

— Кто там?

— Впустите нас, пожалуйста, — детский голос. — Нам холодно.

Мария посмотрела в глазок. На крыльце стояли двое детей — мальчик и девочка лет восьми. Они были одеты слишком легко для сибирской ночи.

— Где ваши родители? — спросила она через дверь.

— Они внутри нас, — ответил мальчик. — Впустите нас. Мы должны поговорить с вами.

Что-то в его голосе заставило Марию отступить. Она отошла от двери и позвала мужа.

— Серёжа, там дети. Странные. Не открывай дверь.

Сергей уже стоял рядом, нахмурившись.

— Какие дети? Я никого не слышал.

Стук повторился — настойчивый, ритмичный.

— Впустите нас. У нас есть то, что вы ищете. Ответы на ваши вопросы.

Мария почувствовала, как её рука сама тянется к замку. Она отдёргнула её.

— Уходите! — крикнула она. — Я вызову полицию!

За дверью повисла тишина. Потом голос — не детский, но древний, глубокий:

— Мы подождём. У нас есть вечность. А у вас — нет.

Дети ушли. Но Мария знала, что они вернуться. Они всегда возвращались.

42. Параллельная история: Чернобыль, 1986.

Оператор пульта управления Леонид Тóптунов первым увидел что-то неправильное. Приборы зашкаливали, но не от радиации. Что-то иное — электромагнитное поле, которое росло каждую секунду.

— Реактор... — начал он, но слова застряли в горле.

В центре реакторного зала появилось свечение. Не огонь, не плазма — что-то иное. Дверь, которой не было секунду назад.

— Это не может быть, — прошептал старший инженер Александр Акимов, стоявший рядом. — Это невозможно.

Дверь открылась. Из неё вышли тени — не существа, но...

возможности. Они не нападали, не угрожали. Они просто... были.

— Мы пришли за энергией, — прозвучало в головах обоих операторов. — Ваш реактор — хороший источник. Откройте его полностью.

— Нет! — Акимов бросился к пульту управления. — Леонид, глушим реактор! Немедленно!

Леонид попытался нажать кнопку аварийной защиты. Но его рука остановилась в сантиметре от пульта. Он не мог двигаться. И голос в его голове говорил:

— Не мешай нам. Мы — неизбежность. Мы — дверь. Мы — порог.

Взрыв произошёл через тридцать секунд. Дверь захлопнулась, но не закрылась. Она ждала следующего, кто откроет её.

43. Параллельная история: Бермуды, 1965.

Капитан грузового судна «Мария Селеста II» Джон Харрис стоял на мостике, глядя на море. Но море было... неправильным. Волны застыли, словно в фотографиях. Цвет воды изменился — от синего к серому, потом к чёрному.

— Капитан! — вбежал первый помощник. — Радист не отвечает. Компасы... они показывают во все стороны сразу!

— Спокойно, — Джон старался держать голос ровным. — Что происходит?

— Не знаю, сэр. Но... там, за бортом. — помощник указал на воду.

Джон посмотрел. В воде отражалось небо — но не то небо, что было над ними. Другое. С другими звёздами. И дверь в центре.

— Это... невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — голос раздался за спиной. Джон обернулся. На мостике стояла фигура — человеческая, но... нет. Её глаза были чёрными, кожа — полупрозрачной. — Мы — порог. Мы ждали вас.

— Кто вы?

— Мы — дверь. Вы — ключи. — Фигура улыбнулась. — Хотите увидеть то, что за порогом? Это... прекрасно.

Джон хотел бежать, но его ноги не слушались. Он чувствовал, как его тянет к двери в воде — не силой, но... приглашением.

— Идём с нами, — говорила фигура. — Мы покажем вам вечность.

«Мария Селеста II» нашли через три дня, дрейфующей без экипажа. На борту не было никого. Только одежда на мостике и символы, выцарапанные на стенах.

44. Связь времён.

Александр изучал архивы «Горизонта», когда обнаружил связь между всеми этими случаями. Каждый из них был не просто аномалией — это был момент, когда дверь приоткрывалась. И каждый раз кто-то или что-то проходило через неё.

— Они не случайны, — сказал он Морозову, разложив документы на столе. — Это... процесс. Постепенное откры-

тие. И каждый раз, когда дверь открывается, часть порога приходит в наш мир.

— Вы говорите, что все эти исчезновения, катастрофы — это... что?

— Проникновение. Не вторжение — это слово подразумевает враждебность. Они не враги. Они... исследователи. Они хотят понять наш мир. — Александр указал на фотографии. — Смотрите. В каждом случае есть свидетельства контакта. Голоса, видения, приглашения. Они не забирают людей силой. Они... зовут.

— И люди идут?

— Некоторые. Те, кто готов. Те, кто чувствует дверь внутри себя. — Александр говорил медленно, понимая, что это означает и для него. — Дятлов и его группа. Они не погибли. Они перешли. Семья из Красного Яра — тоже. Экипаж «Марии Селесты II» — тоже.

— Вы хотите сказать, что все они... живы?

— Я хочу сказать, что они существуют. В другом виде. На пороге. — Александр поднял руки, показывая символы на ладонях. — Как я. Я — страж. Они — проводники. И разница между нами только в выборе.

45. Вторая дверь: Бермудский треугольник.

Экспедиция на Бермуды была организована через две недели. Александр настоял на том, чтобы идти один.

— Вам понадобится поддержка, — возражал Морозов. — Люди, оборудование...

— Мне нужна лодка. И тишина. — Александр уже знал, что делать. — Они будут говорить со мной. И не все могут это услышать.

Он вышел в море на небольшом катере поздно вечером. Вода была спокойной, почти зеркальной. Звёзды отражались на поверхности, и Александр чувствовал — чувствовал — присутствие чего-то внизу.

Он нырнул без акваланга — он больше не нуждался в воздухе. Глубина увеличивалась, но давление не ощущалось. Внизу, на глубине около ста метров, он увидел её — дверь. Светящуюся, пульсирующую, ждущую.

— Ты пришёл, — голос звучал отовсюду. — Мы знали, что придёшь.

— Я пришёл закрыть дверь.

— Почему? Мы не враги. Мы — возможности.

— Потому что открытая дверь — это опасность. Для обоих миров. — Александр коснулся первого символа на створках двери. — Я — страж. Это мой долг.

— Долг перед кем? Перед людьми, которые тебя не понимают? Перед миром, который отвергает то, чем ты стал?

— Перед собой. — Александр начал ритуал. — Я делаю это для себя.

46. Под водой: Бермуды.

Закрытие второй двери было труднее. Символы не поддавались сразу — они сопротивлялись, задавали вопросы, требовали ответов.

— Почему ты хочешь закрыть нас? — спрашивал каждый символ. — Мы даём жизнь. Мы даём знание. Мы даём вечность.

— Вы даёте хаос, — отвечал Александр. — Открытая дверь — это не дар, но разрушение. Баланс должен быть восстановлен.

— Баланс? — символы смеялись. — Нет баланса. Есть только порог. И ты — уже часть нас.

Александр знал, что это правда. С каждой закрытой дверью он терял часть себя. Или нет — не терял, но... трансформировал. Человеческое Александр становилось меньшей частью, страж — большей.

— Тем не менее, — сказал он, касаясь последнего символа. — Я продолжу.

Дверь закрылась. Щелчок был почти слышимым — как в Тунгуске. И волна тепла прошла через его существо.

Две двери закрыты. Пять осталось.

47. Изменения.

Когда Александр вернулся в «Горизонт», изменения были очевидны. Его кожа стала бледнее, почти прозрачной. Движения — плавнее, почти скользящими. И глаза — теперь они постоянно отражали что-то, чего не было в комнате.

— Вы провели под водой шесть часов, — сказал Морозов, изучая медицинские показатели. — Без воздуха. Без признаков гипоксии. — Он посмотрел на Александра. — Что вы теперь?

— Я — Александр Волков, — ответил он. — Но... да, я меняюсь. С каждой закрытой дверью я становлюсь больше стражем и меньше человеком. — Он сел за стол. — Это не плохо, профессор. Это... эволюция.

— Или мутация.

— Или трансценденция. — Александр улыбнулся. — Я вижу теперь то, что раньше не видел. Связи между вещами. Историю каждого предмета в этой комнате. Будущее... — он замолчал. — Нет, не будущее. Возможности. Я вижу возможности.

— И что вы видите сейчас?

— Я вижу, что следующая дверь — самая сложная. Гора Кайлас. — Александр говорил тихо. — Там не просто дверь. Там... нечто древнее. Нечто, что было здесь до людей. И оно не захочет, чтобы дверь закрыли.

48. Гора Кайлас.

Экспедиция на Кайлас заняла месяц подготовки. Александр требовал минимума людей — только он и один проводник из местных, который знал гору с детства.

— Эта гора — священная, — сказал проводник, пожилой тибетец по имени Тензин. — Мы не поднимаемся на вершину. Никто не должен беспокоить то, что там.

— Я не хочу подниматься на вершину, — ответил Александр. — Я хочу найти вход. Пещеру, о которой говорят легенды.

— Легенды? — Тензин нахмурился. — О какой пещере

вы говорите?

— О той, что ведёт в сердце горы. К двери. — Александр показал символы на своей ладони. — Я — страж. Я здесь, чтобы закрыть её.

Тензин долго смотрел на символы. Потом кивнул.

— Вы — тот, о ком говорили древние тексты. Тот, кто придёт закрыть двери. — Он поклонился. — Я проведу вас.

49. Подножие Кайласа.

Гора Кайлас возвышалась над ними, её вершина скрывалась в облаках. Александр чувствовал присутствие чего-то древнего, мощного, наблюдающего.

— Мы пойдём южным склоном, — сказал Тензин. — Там есть тропа, которой пользуются паломники. Но мы не поднимемся высоко. Пещера... она ниже.

— Откуда вы знаете о пещере?

— Мой дед был хранителем. Он показал мне вход, когда мне было двенадцать. Сказал, что когда придёт страж, я должен провести его. — Тензин посмотрел на Александра. — Я ждал пятьдесят лет.

Они шли молча несколько часов. Ландшафт вокруг был пустынным — камни, песок, редкая растительность. Но Александр чувствовал, что они не одни. Что-то следило за ними из теней.

— Они здесь, — сказал он наконец.

— Кто? — Тензин огляделся.

— Хранители порога. Они охраняют эту дверь. — Алек-

сандр остановился. — Они не хотят, чтобы я её закрыл.

— Почему?

— Потому что эта дверь — древнейшая. Она была открыта задолго до людей. И то, что прошло через неё... оно считает это место своим домом.

50. Пещера.

Вход в пещеру был скрыт за завалом камней. Тензин провёл рукой по скале, нашёл скрытый выступ и нажал. Часть стены отодвинулась, открывая тёмный проход.

— Идёмте, — сказал он. — И не оглядывайтесь.

51. Темнота.

Коридор был длинным и узким. Фонари Александри Тензина едва пробивали темноту. Но Александр не нуждался в свете — его новые способности позволяли видеть в темноте почти так же хорошо, как при дневном свете.

Стены пещеры были покрыты символами. Теми же, что он видел в других местах, но здесь они были древнее, глубже. Некоторые были почти стёрты временем.

— Сколько лет этим надписям? — спросил он.

— Никто не знает, — ответил Тензин. — Старше любой известной цивилизации. Мой дед говорил, что они были здесь до гор. До самой Земли.

Они шли ещё около часа, пока коридор не расширился в огромную пещеру. В центре её стояла дверь — не каменная, не деревянная, не металлическая. Она была... из света и тьмы одновременно. И она была открыта.

— Вот она, — прошептал Тензин. — Дверь в сердце мира.

Александр почувствовал присутствие раньше, чем увидел его. Что-то вышло из тени за дверью — огромное, древнее, но не враждебное.

— Ты — страж, — сказала оно. — Мы ждали тебя долго.

52. Древний.

Существо было трудно описать словами. Оно не было материальным в привычном смысле — скорее, совокупностью форм, идей, возможностей. И оно было древним — старше человечества, старше самой Земли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.